

*Хейзелу, Айви и Вере — моим милым и забавным малышам,
чей смех наполняет наш дом любовью, радостью
и смелыми мечтами.*

МДжГ

ГЛАВА 01

Моя сестра стоит на палубе «Гладиана», а у ее ног валяется кто-то из команды.

Злой ночной ветер треплет белые волосы Эллы, а с кончика ее дуэльной трости капает кровь. Я выбираюсь из люка, и сестренка, обернувшись, устремляет на меня свирепый взгляд.

— Он не подчинился мне, — зло шепчет Элла.

— Что ты наделала?

Снова посмотрев себе под ноги, она плюет в сторону оглушенного человека.

У меня внутри все сжимается. Это Деклан из клана Макдугалов. Пожилой и всеми уважаемый ветеран. На куртке у него поблескивает зеленый жетон драйщика. Палуба у Деклана всегда блестит, белье выстирано, а в коридорах — ни пылинки.

Однако сейчас он без сознания и по лбу у него стекает кровь.

За спиной у Эллы небо пронзает зигзагом молния, выхватывая из темноты остальные суда эскадрильи. Сестра кривит губы, пристально глядя на меня.

В голове раздается тихий голос покойного отца: «Забери у нее трость, иначе и тебе достанется».

— Элла, — я стараюсь дышать глубоко и ровно, чтобы погасить злость, — Деклан — член моего экипажа, он не обязан подчиняться твоим приказам.

— Я принцесса Скайленда.

— И что?

Элла, прищурившись, молчит, но потом выдает:

— А ты — принц.

Я смотрю сестре в глаза и понимаю: мягко с ней говорить бесполезно.

— Титулом наделил меня дядя, а команда следует за мной из уважения, — объясняю, сделав шаг ей навстречу. — Принцесса ты или нет, этот корабль — мой. Ты не охотник. У тебя нет права применять силу к членам команды. Отойди от Деклана.

Элла угрожающе сжимает в руке трость, и я еле сдерживаю сердитую гримасу. С ней все время непросто. После шести лет разлуки мы наконец воссоединились, и я думал, что все станет по-прежнему, как когда мы еще были богатыми высотниками и жили в поместье Урвинов. Когда таскали с кухни печенье, случайно разбивали окна и оставляли под одеялами в кроватях гостей куличики из влажной земли.

Однако мы выросли из детских забав. Дядя отравил сердце Эллы, и теперь передо мной — незнакомое злобное создание.

— Элла, — повышаю я голос. — Отойди.

— Конрад, ему нельзя доверять.

— Деклан — пожилой человек.

— Он с кем-то разговаривал. — Сестра указывает в пустое небо. Поблизости парят три корабля моей эскадрильи, но до них отсюда не докричаться. — Больше на палубе никого, Конрад. С кем он общался?

— Деклан разговаривает сам с собой, — закипаю я. — Шепчет, смеется, поет... Он странный тип, зато отменный драйщик. Команда его любит. — От злости перехватывает горло. — Теперь — отойди.

Делаю еще шаг в сторону Эллы, и она вскидывает трость. Однако я быстро обезоруживаю сестру, едва не лишив ее равновесия. Потом нажимаю кнопку, вдвое уменьшая длину оружия. Некогда эта трость принадлежала нашей матери, и я надеялся, что, получив ее, Элла станет лучше. Вместо этого наследство только укрепило ее извращенное понимание силы.

— Верни. — Элла низко приседает, протянув ко мне руку, словно дикий зверь, готовый к броску. — Немедленно.

Под порывами жестокого холодного ветра я наклоняюсь к Деклану, проверяя пульс на шее. Сердце бьется, но все же старику нужна медицинская помощь.

— Все должно быть не так, Элла, — шепотом произношу я.

— Такова меритократия, брат. Высотники возвышаются, низинники падают.

— Это неверный путь.

Сестра молча смотрит на меня ледяным взглядом своих зеленых глаз. Кое-кто называет ее худшим из Урвинов, мол, она даже страшнее нашего дяди. Отцовское наследие — часть меня, впитавшая жестокие истины этого мира, — требует, чтобы я преподавал Элле суровый урок. Поколотил ее той самой тростью, которой она ударила Деклана.

Однако та часть, что я унаследовал от матери, верит в другой путь. В идею сострадания и возвышения через жизненный опыт.

— Нападать на членов моей команды неприемлемо, — говорю. — Драки — не в обычаях Охоты.

Элла фыркает:

— Нельзя велеть мне вести себя как охотник, а потом запрещать охотиться вместе со всеми. Я убила трех провлонов. Собственными руками.

— Провлоны — это тебе не стометровые горгантавы, Элла. К схватке с небесными змеями ты не готова.

— Ты даже не знаешь, к чему я готова.

Я покачиваю головой. Ну и как мне с ней быть, черт подери? Прошло три месяца с того дня, как мы воссоединились, а я уже устал от ссор. Элла со всеми цапается, рыщет по кораблю и подслушивает. И пусть она принцесса, у нее, оказывается, есть склонность к воровству.

У Родерика бесследно пропало несколько чертежей.

«Проучи ее, — снова шепчет отцовский голос. — Унизь. Сделай так, чтобы она никогда не бросила тебе вызов. В глубине души ты знаешь: Элла хочет того, что принадлежит тебе. Она метит в дядины наследницы».

Я присматриваюсь к сестренке. В ней слишком много от отца, а материнских черт не хватает. Вот только матерью Элле я быть не могу. Остается учить ее тому же, что прививала мне Элис из Хейлов.

— Конрад, — взбешенно требует Элла, — отдай трость.

Набалдашник в виде оленя поблескивает на конце материнской трости. Побоями Элли не исправить. Нет, ей требуется нечто, что не смог дать ей дядя.

И вот я бросаю оружие сестре.

Поймав его на лету, Элла смущенно моргает, однако затем идет к люку.

Преградив ей путь, указываю на Деклана:

— Ему надо в лазарет. И позаботиться об этом должна ты. Потом, когда он придет в себя, извинишься.

— Урвины не извиняются. Я тебе не слуга, и этого... никуда не поташу.

Она пытается обойти меня, но я снова заступаю ей дорогу.

— Прочь, — требует Элла.

— Ударь меня.

— Что?

— Ударь меня, и я тебя пропущу. Остаток ночи будешь вольна делать что захочешь.

Элла медлит. Если бы она прогнила насквозь, то ухватилась бы за предложение не думая.

— Ударь меня всего раз, Элла, и можешь идти.

Она задумчиво смотрит на меня, а потом сгибает ноги в коленях, принимая боевую позицию.

— Как пожелаешь.

— Эта позиция тебя замедляет, — серьезным тоном подсказываю ей.

— Крачий бред.

Я тяжело вздыхаю. Настоящих вызовов Элла еще не знала. Дядя, конечно, отправил ее охотиться на провлонов, и в этом она преуспела лучше меня, но, когда нас с мамой вышвырнули из дома, я добывал деньги в Низинной бойцовой яме, а потом ночами напролет мучился от голода, вслушиваясь в слабый кашель матери. Такой была моя жизнь целых шесть лет. Однако затем, на этом самом корабле, я возвысился, из вошившего ботинки драйщика стал капитаном.

Дядино воспитание не могло заменить Элле жизненный опыт.

— Выпрямись, — говорю, кружа вокруг сестры. — Подними трость.

— Отец не этому учил.

— Отец? Дядя тебе не отец.

— Он ничем не хуже. Дядя нас не бросил. Не ушел.

— А отец, значит, ушел? — Я делаю глубокий вдох, смирив гнев. — Элла, его убили.

— Он был слаб. Не мог вести за собой род Урвинов.

— Это слова дяди, — отвечаю с горечью в голосе.

— Просто я — как он.

Останавливаюсь. Мы на холодной палубе, где ледяной ветер обжигает кожу, и я стою перед той, кого годами мечтал спасти. Однако в сердце у меня — пустота.

— Элла, — говорю мягким голосом, — когда-то я и сам был таким, как ты. Подозревал всех подряд, злился попусту и ел один,

за отдельным столом в трапезной. Из меня двух слов было не вытянуть. Это ничего мне не дало. Зато став лучше, чем требовал от меня мир... я добился того, чем обладаю сегодня.

— Принцем сделался?

— Нет, я капитан «Гладиана», а это для меня значит больше, чем трон.

Элла с сомнением присматривается ко мне.

— Став лучше, говоришь? Чьи это слова?

— Мамины.

Подумав немного, Элла пожимает плечами:

— Я ее почти не знала.

— Ладно, — говорю, сердито взглянув на нее. — Используй то, чему обучил тебя твой «отец». Достань меня тростью хотя бы раз, и можешь идти.

— Ты свою трость оставил в каюте. Я бы предпочла дуэль. Иначе бой получится неравным.

— Неравным? — смеюсь. — Наш мир ничего не знает о равенстве. Впрочем, уверен, этот урок ты уяснила. Теперь тебе нужно, — говорю и, сделав паузу, заканчиваю: — усвоить маминьы уроки.

— Это какие? — внимательно смотрит на меня Элла.

— Уроки сострадания и милосердия. Того, что истинная сила не в принижении других, но в том, чтобы помогать окружающим подняться. Истинные лидеры ведут за собой сильных.

— Ерунда.

— Думаешь, я слаб?

Она молчит.

Снова налетает ледяной ветер, сыпая на палубу редкими каплями дождя.

— Используй все, чему научил тебя дядя. — Делаю приглашающий жест рукой. — Давай.

Сплюнув, Элла снова принимает слишком низкую стойку... А в следующий миг бьет меня тростью. Она быстра; глаза дикие, движения — ловкие.

Однако я проворнее. Ее трость с шипением проносится мимо моей головы, не попадает в плечо, пронзает воздух вместо живота. Элла ругается от злости. Стратегия у нее — как у дяди: тот не любит затягивать поединок дольше чем на минуту. Претендуя на трон, дядя бросил вызов королю Фердинанду и убил его на арене секунд за десять.

Кончик трости чиркает по коже, но я все же успеваю уклониться. Элла продолжает колоть, а я отступаю на шаг, открыв дорогу к люку. Присмотревшись ко мне, сестра с победным видом направляется к спуску.

Однако я снова перехватываю ее.

Она хмурится и атакует с прежней яростью. Я пригибаюсь, захожу ей за спину. Элла не сбавляет натиска, отчаянно размахивая оружием. В какой-то момент ей почти удается попасть мне в челюсть, но, не рассчитав силу, она падает на палубу лицом вниз.

Если бы я слушал только уроки матери, то бросился бы к ней тотчас. Возможно, даже ослабил бы бдительность. Однако отец учил не доверять упавшему врагу, особенно такому, который нуждается в лошадиной дозе смирения.

Элла катается по палубе, изображая боль и страдания, а я терпеливо жду конца представления. В конце концов она вскакивает и отряхивается. Кажется, вот-вот закричит на меня. Ее всю трясет от злобы и негодования.

Подергивая пальцами, я готовлюсь к новой атаке, но вместо этого Элла опирается на материнскую трость и делает глубокий вдох, чтобы успокоиться. Потом окидывает меня гордым взглядом.

Легкая морось перешла в ливень. Белокурые волосы Эллы липнут к разгоряченным красным щекам.

— Что это значит? — тихо спрашивает она. — Что значит быть лучше, чем требует от тебя мир?

Во мне неожиданно расцветает надежда. Это еще не прорыв, так, проблеск света вроде трепетного пламени свечи во тьме, но уже кое-что. Однако я месяцами ждал подобной возможности.

— Помоги отнести Деклана вниз, — говорю, — и я все расскажу.

Посмотрев на меня, Элла выпрямляется, затем складывает трость и цепляет ее к поясу.

— Ладно.

В груди немного теплеет. Похоже, я раскрыл секрет: понял, как завладеть вниманием Эллы. Она уважает силу, и, возможно, используя эту ее черту, я смогу наконец стать старшим братом, каким хотела бы видеть меня мама.

Мы подходим к небольшому пульта, который недавно установил Родерик, и жмем на кнопку. В открывшийся люк поднимается оружейная платформа. На ней — контейнеры с гарпунами, ручными метателями, зенитками и пушками.

Ухватив Деклана под мышки, бережно перетаскиваем его на платформу. И под звон цепей, чувствуя присутствие матери, я передаю Элле уроки и мудрость Элис из Хейлов, которыми та не успела поделиться с дочерью.

ГЛАВА 02

Делаю Деклану укол, и вскоре драйщик вяло приоткрывает глаза. Элла стоит, прислонившись к белой стене, смотрит, как он медленно садится, а я тем временем подтыкаю ему под спину подушку.

Деклан по-прежнему ощущивает лоб и озирается по сторонам, когда Элла решает прервать молчание:

— Прости.

Ее слова звучат сухо и холодно.

Деклан же, покашляв, сует палец в рот. Кривится от боли: у него лопнула десна.

— Ты напала на меня, принцесса.

— Да, а потом извинилась.

Он поднимает на нее взгляд:

— Неискренние извинения — это пустой звук.

Сестра переводит на меня раздраженный взгляд. Потом с приторной теплотой извиняется снова.

— Элла, — сердито одергиваю ее.

— Прости, капитан, — говорит Деклан, — но, если извинения выдавить, они значат и того меньше.

— Она просто не умеет извиняться, — объясняю.

Драйщик озадаченно выгибает бровь.

— Больше этого не повторится, Деклан, — обещает Элла.

Деклан молчит, сообразив, видимо, что большего от нее не добьешься, и кивает. Ее ведь, как и всех Урвинов, учили, что это перед нами все извиняются, а сами мы ни у кого прощения не просим.

— Элла, можешь идти, — говорю.

Посмотрев на меня, затем на Деклана, сестра молча уходит.

Деклан чешет заросшую седой щетиной щеку. Вид у него усталый, глаза воспаленные. Я похлопываю его по плечу. Этот шестидесятилетний ветеран оказался в команде, членам которой — от шестнадцати до восемнадцати. Когда-то он был капитаном собственного корабля и заработал кучу денег. Поразительно, как после сорока лет охоты умудрился остаться целым и невредимым. Многие наши собратья по цеху в борьбе с горгантавами теряют конечности, а кому-то достается и того хуже.

Под рукавами серебристой формы у Деклана бугрятся мускулы. Он одет как все охотники: черная куртка, перчатки и крепкие магнитные ботинки. На шее висят ветрозащитные очки.

Я взял Деклана в экипаж «Гладиана», потому что он хочет завязать с профессией, напоследок передав знания новому поколению охотников. Через полгода, во время очередного призыва, он планирует списаться на берег и остаться работать в доках Венатора или преподавать в Академии.

— Почему она напала на тебя, Деклан?

— Хотела дуэли, — со вздохом отвечает он. — Я напомнил, что драки не в обычаях Охоты. Принцесса как рогом уперлась, и тогда я сказал, что не стану биться с мелкой девчонкой. Сообразить ничего не успел, как очутился тут.

— Больше ни с кем на палубе не разговаривал?

Он удивленно моргает.

— Я торчал там один, пока не появилась принцесса.

Вздохнув, я снова хлопаю его по плечу:

— Прости.

— Ну хоть ты знаешь, как извиняться.

Старик с кряхтением встает с койки. К счастью, разработанные цехом Науки лекарства действуют быстро. И все же Деклану надо поберечь себя.

— Отдохни немного, — говорю, — и отлежись завтра.

Кивнув, драйщик вразвалочку идет к двери, но у порога останавливается.

— Капитан... я много людей повидал, но сломленные мне попадались редко. — Он оборачивается. — У них как будто что-то не так внутри.

Я пристально смотрю на него, не зная, что сказать. Бледнею, однако выражение лица сохраняю бесстрастное.

— Доброй ночи, Деклан.

— Капитан.

Дверь закрывается, и, выждав несколько секунд, я присаживаюсь на край койки, придавленный гнетом ответственности. Дядин яд проник не только в сердце Эллы, он пропитал ее целиком. Впрочем, сестренка — лишь одна из моих проблем. Есть еще кое-что, что наполняет меня тревогой. От чего я лишился покоя, а голова трещит по швам.

Война.

Покинув палату, иду тихими темными коридорами. Неумолчно, словно живой, гудит корабельный двигатель. Я минуя каюты, прохожу мимо товарищей: Громилы, Родерика и Китон.

Наконец останавливаюсь у одной из дверей.

Брайс нужна нам как никто, однако и с ней не все гладко. У нее мания преследования, она почти не спит, будит команду по ночам, когда на палубе ей что-то мерещится.

Громила твердит, что у Брайс едет крыша.

Вздохнув, иду к капитанской каюте. Элла уже там, лежит на кровати в дальнем конце помещения. Взяв сестру к себе на борт, я сразу отдал ей кровать, а сам теперь сплю на диване. Так мне же проще, ведь я часто не ложусь до глубокой ночи.

На столе — стопка бумаг, планы, составленные Громилой, нашим стратегом в этом сезоне. В открытом небе нас подстерегают множество опасных зверей. Тварей вроде плюющих кислотой ацидонов или бодающихся орконов. Однако они не идут ни в какое сравнение с горгантавами восьмого класса, которые в последнее время встречаются все чаще. Убивая этих созданий, мы помогаем Скайленду, а отвозя их туши на охотничьи заставы, получаем деньги. На них я выкупаю этот корабль, чтобы он стал моим — и только моим — и никто не мог его отнять.

Я смотрю на доску, где записываю, сколько заработал: пока что набралось триста тысяч монет, а всего требуется миллион.

От усталости в глазах песок. Ладно, об охоте побеспокоюсь завтра, тогда же ознакомлюсь с планами Громилы.

Сажусь на диван и скидываю ботинки. В иллюминатор бьются капли дождя; тихий шелест немного ослабляет мое напряжение. Накрывшись мягким одеялом, укладываюсь на бок и закрываю глаза.

Снаружи вспыхивает молния. Я отворачиваюсь и устраиваюсь поудобнее, стараясь не обращать на нее внимания. Однако раскаты грома не дают покоя. Ложусь на спину и смотрю на другие три охотничьих корабля, что парят вблизи «Гладиана». За мокрым стеклом они больше напоминают размытые тени.

Эти три борта тоже под моим началом. Дядя хотел, чтобы я взял на себя больше ответственности, и вот теперь мы тут, посреди открытого неба, помогаем защищать от небесных змеев уязвимые линии поставок. Каждый из тех, других, кораблей сделан из чистой стали горгантавна; их гладкие серебристые корпуса — точная копия «Гладиана». Палубы щетинятся турелями, а острые носы, похожие на кончики мечей, пронзают облака. В некоторых иллюминаторах виднеется красное свечение теплошаров.

После очередной вспышки молнии скидываю с себя одеяло. Не могу спать, когда снаружи словно бы грохочет битва, а мысли — только о войне.

Сажусь.

Три месяца назад Нижний мир вторгся в нашу жизнь, неожиданно заявив о своем существовании и выпустив свое величайшее оружие, погубившее сотни тысяч невинных. Это Нижний мир создал жутких небесных тварей, а его солдаты тайно наводнили наше общество. И если Брайс чему-то научила меня, так это тому, что ее народ предпочитает нападать ночью, когда темно и холодно.

Я снова опускаюсь на мягкий диван. Отдохну совсем чуть-чуть, секунду-другую. Дам себе ненадолго ощутить невесомость, поддаться манящим объятиям грез. О, какое славное одеяло. Такое мягкое. Нежно обнимает за плечи, согревает ноги.

Мое дыхание становится мерным и спокойным.

* * *

Запонка-коммуникатор вспыхивает, и я слышу крики: «Полундра! Свистать всех наверх!»

Толком еще не проснувшись, вскакиваю на ноги.

Из соседнего отсека каюты долетает крик Эллы:

— Что происходит?

Я постепенно собираюсь с мыслями, и сердце начинает бешено колотиться.

— Элла, — велю сестре, — оставайся тут.

— Черта с два!

— Сиди тут!

Камень в запонке снова вспыхивает, и на сей раз я слышу голос Брайс:

— По боевым постам!

Теперь сердце стискивает страх. На нас напали. Натянув ботинки и накинув куртку, я выбегаю из каюты. В коридорах перекрикиваются сонные члены команды. Взобравшись по трапу, я открываю тяжелый люк и вылезаю на палубу. Готовлюсь к войне.

Нижний мир пришел за нами.

ГЛАВА 03

Вокруг клубятся хмурые облака, хлещут порывы ветра, а Брайс, стоя на носу «Гладиана», лихорадочно тычет пальцем куда-то в небо.

— Тревога! — кричит она в коммуникатор. — Свистать всех наверх!

Нацепив очки, спешу к ней:

— Брайс? В чем дело?

Она взваливает на плечо ручной гарпуномет, и в этот момент молния очерчивает ее силуэт.

— Они идут, — говорит Брайс.

Дождь заливает мне глаза, но я сдергиваю с пояса подзорную трубу и вглядываюсь в небо: вокруг только мои корабли; бурлящие, точно живые, тучи — и никаких врагов или зверей. Ничего.

— Кто? Где? Брайс...

Камень-коммуникатор начинает светиться: капитаны с других бортов докладывают, что тоже никого не видят. Однако члены их команд уже закидывают на плечи гарпунометы.

Брайс хватается за шею, морщится, а потом выкрикивает:

— По боевым постам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru